

ЮБИЛЕЙ ДРЕЗДЕНСКОГО ШЕДЕВРА, ИЛИ СКОЛЬКО СТОИТ СОЛНЦЕ...

«Флоренция на Эльбе» – такой титул Дрезден получил в эпоху Просвещения не в последнюю очередь благодаря тому, что стал домом для шедевра Рафаэля. Сегодня его репродукция – на фасаде Галереи старых мастеров, внизу слоган: «500 лет самой красивой женщине мира». Так жители Саксонии отмечают день рождения Сикстинской мадонны. Они верят, что картина, написанная для церкви монастыря Святого Сикста в Пьяченце, только оказавшись здесь, обрела мировую славу.

– За двести лет своей жизни в Италии эта картина удостоилась всего одного упоминания в «Жизнеописаниях» Вазари, – говорит директор государственных художественных собраний Дрездена Штефан Адамс. – Сравните это с мерой ее популярности в XVIII и XIX веках. Хранясь в Дрездене, она стала настоящим объектом культа.

Среди анекдотов, что охотно вспоминают дрезденцы, есть история об американском туристе, поинтересовавшемся у гида, сколько стоит «Сикстинская мадонна». Экскурсовод ответила кратко: «А сколько стоит солнце?»

Выставка в дрезденской Галерее старых мастеров, любовно подготовленная к юбилею, отвечает не только на вопрос, во что обошлась картина Августу III, саксонскому правителю и королю Польши, который приобрел ее для своей коллекции в 1754 году, но и на вопрос, как «Сикстинская мадонна» стала тем, чем она стала. Как она из предмета культа превратилась в культовое произведение ис-

кусства. Картину, отношением к которой Федор Достоевский поверял своих героев. Образ, воспетый романтиками и тиражированный в репродукциях, которые находят отзвук даже в индийской гравюре, представляющей Кришну на руках приемной матери. Произведение, чье совершенство и известность использовали политики, карикатуристы и дадаисты (их коллажи можно увидеть в экспозиции), но даже это не могло умалить ее в глазах публики.

Если своим возникновением «Сикстинская мадонна» обязана Рафаэлю, заказчику папе Юлию II и тому, что Пьяченца, наряду с другими городами на севере Италии, была освобождена от французов и присоединена к Папской области, то своей славе она обязана Дрездену. Собственно, вся экспозиция делится на две большие части.

В центре, как ядро, – рисунки, гравюры, картины из Лувра и лондонской Национальной галереи, флорентийских галерей Уффици и Палатина, Пинакотеки Ватикана, музеев Вены, Будапешта и из художественных собраний Дрездена. Они показывают, как эта картина в далеком монастыре на итальянском севере связана с фресками, которые Рафаэль писал в Риме. (Приехав туда из Флоренции в 1508 году по приглашению Юлия II, он работал над четырьмя росписями в папских покоех.) А также – чем она отличается от других изображений мадонны, в том числе кисти самого Рафаэля, и в чем заключалась ее неожиданность и смелость по тем временам. А вокруг этого зала – круговая экспозиция, повествующая о дрезденской истории картины.

Среди неожиданных экспонатов – огромный меч с обломанной рукоятью и богатыми, из позолоченного серебра, ножнами, раритет из

Швейцарии. Витрина с ним – рядом с «Сикстинской мадонной». Меч был освящен и подарен Юлием II Швейцарии в знак благодарности за помощь в войне против французского короля. Папа Юлий II, по заказам которого работали Браманте, Микеланджело, Рафаэль, известен еще и тем, что лично вел войска в изнурительных военных компаниях. После сдачи Болоньи французам в 1511 году он даже дал обет не стричься, пока не добьется победы. На его портрете кисти Рафаэля на выставке можно увидеть и скорбь, и бороду, которую он сбреет в 1512, когда итальянцы, объединившись с испанцами и швейцарцами, отбили обратно северную Италию. Тогда-то Юлий II и заказал роспись Станцы д'Элиодора – на библейский сюжет изгнания захватчика из Иерусалимского храма (причем потребовал и себя изобразить на фреске в папском облачении – то ли зрителем, то ли участником события), а вскоре и «Сикстинскую мадонну» – для нового храма в старом монастыре бенедиктинцев в Пьяченце. Это был еще и способ почтить память папы Сикста IV, родного дяди Юлия II. Так что «Сикстинская мадонна», как и «Изгнание Элиодора...», по сути, картина победы, военного триумфа. Между прочим, в XX веке все ее перемещения будут связаны с войной и военными союзами. В 1945 году в качестве трофея ее привезут в Москву, а в 1955, уже как спасенный шедевр, СССР вернет ГДР.

Но как бы то ни было, те 240 лет, пока картина находилась в монастыре, она оставалась практически неизвестной. Вообще, архивная часть выставки, где представлены переписка, документы, инвентарная опись коллекции курфюрста Августа III, касающаяся покупки шедевра Рафаэля, – одна из самых интригующих в проекте. В эту арт-сделку века оказались вовлечены монахи и профессор древних языков, премьер-министр саксонского двора, папа Бенедикт XIV и герцог Пармы, который отказывался давать согласие на нее, даже когда папа Римский дал на нее свое благословение. Так что помимо итоговых 25 тысяч скудо (для сравнения – самые дорогие картины в дрезденской коллекции не превышали 8 тысяч скудо) Августу III понадобились и немалые дипломатические ухищрения. Наконец, когда и с герцогом всё было улажено, на сцену выступили таможенники, которые сообщили, что собранные бумаги им не указ. В конце концов и это препятствие было преодолено, и 21 января 1754 года

...Меланхолично, иронически глядят на род человеческий два малыша с крыльями. Ангелы. Они на своем веку уже вдоволь насмотрелись на этих странных, таких нелепых, смешных, а порою страшных людей. Шумных и плаксивых. Вечно просящих чего-то у неба. Всегда недовольных. Потупила взор святая великомученица Варвара. Она тоже слишком хорошо узнала цену людям. Ее смущает шум толпы. Ей немного стыдно. Ведь она тоже была человеком. Папа Сикст, древний старик, поднял умиленный взор к Марии. Он забыл, забыл всю свою суетную жизнь, все бесчисленные грехи свои, и вот здесь, на пороге жизни и смерти, он в первый раз наконец поверил. Поверил в чудо.

Попирая облака босыми ступнями, прижимая к груди сына, взирает на людей мадонна. Ее взор смущен этим зрелищем неустроенности мира, страданий и волнений обитателей земли. Прекрасное, благородное лицо отражает все оттенки изумления. Мария не слышит привычного хора ангелов. Ее слух смущен нестройными голосами жителей Земли. Она еще крепче обнимает сына. Мадонна чувствует его судьбу, и поэтому так широко открыты ее прекрасные, немного печальные глаза, чуть-чуть приподняты тонкие брови, потому такой скорбью осенена ее юная краса.

– Зачем я пришла сюда? – готовы прошептать уста.

Но так надо.

И молодая женщина, гордая, благородная в своем порыве, невзирая на всю тоску, щемящую ее душу, все же спустилась на землю. Кто-то толкает ее навстречу людям. Хотя она знает: впереди неумолимо грядет Голгофа.

Она пришла, ведь так хотел сам могущественный Рафаэль. Рафаэль Санти. Этот мастер, по словам Николая Гоголя, – «миф высокого искусства». Художник, гений которого счастливо впитал в себя мудрость искусства Леонардо да Винчи и мощь творений Микеланджело. Живописец, создав «Сикстинскую мадонну», свершает, казалось бы, невозможное. Изображает чудо. Видение. Им самим изобретенную легенду. И заставляет нас верить в это: так неотразимо проста, убедительна речь его пластики. И смущение Варвары, и ирония ангелов, и чудакватая истовость папы Сикста лишь оттеняют благородство и скорбь Марии и ужас, написанный в глазах младенца.

Игорь Долгополов (1917–1991).
Мастера и шедевры

«Сикстинская мадонна» покинула Пьяченцу. Во дворец Дрездена она прибыла 1 марта 1754 года, и Август III, по преданию, самолично отодвинул свой трон, чтобы дать «дорогу великому Рафаэлю».

Несмотря на такой пышный прием, картина еще почти 60 лет пребывала в тени. В афишах, приглашавших посетить художественное собрание (с 1746 оно было открыто для публики), упоминалось «Рождество» Корреджо, но не «Сикстинская мадонна». Даже первая гравюра с нее была сделана лишь в 1783 году. Показательно, что своим новым открытием она обязана Иоганну Иохиму Винкельману, знатоку античности, который увидел в облике «Сикстинской мадонны» тот же покой величия, что и в образах античных богов. Потом были романтики («тайна неба открылась глазам человека», Василий Жуковский). За романтиками последовали добропорядочные бюргеры, для которых производство херувимов было поставлено на поток. Ими украшали альбомы, фотографии, броши и даже рекламу мясoproдуктов. Карьере ангелочков кураторы выставки посвятили последний ее раздел.

Выставка в Дрездене дает ответы на многие вопросы, в том числе о взаимоотношениях шедевра Возрождения с массовой культурой и политическими мифами. Но едва ли не замечательнее, что она не расставляет все точки над *i*, не водружает пафосный саркофаг над небесным творением Рафаэля. Она оставляет пространство для вопросов. И помогает в этом современное искусство. Для того зала, где до выставки висела картина, художница Катарина Генслер изготовила огромный гобелен. В основе его – тысячи цифровых фотографий, запечатлевших залы Галереи старых мастеров. Поднявшись по лестнице в залы итальянского искусства и взглянув налево, можно увидеть «Сикстинскую мадонну», в глубине, на своем месте. Но при входе в зал оказывается, что впе-

реди вновь разворачивается перспектива залов, ведущих к «Мадонне». И чем ближе подходишь, тем она дальше. Пространственная обманка гобелена оборачивается точной метафорой. «Мадонна» остается по-прежнему недостижимой. Но, быть может, само наличие пути и есть главное...

Куратор выставки Андреас Хеннинг решил проследить историю культа «Сикстинской мадонны» с момента ее приобретения до наших дней. «Многое зависело от способов распространения информации, – констатирует он. – Коллекция курфюрстов была открыта для публики, с «Мадонны» сделали репродукцию – для начала гравюрную, это изображение печатали в газетах и журналах. О ней стали писать». Постепенно она стала затмевать «Рождество» Корреджо – до тех пор самую из-

вестную картину Дрезденского собрания. Гете и Винкельман, немецкие романтики и классицисты – рыцари ее славы...

Но самыми яркими рыцарями «Мадонны» Рафаэля оказались русские – Пушкин и Жуковский, Белинский и Достоевский, Брюллов и Иванов. Свой опыт перед лицом этой женщины они описали как религиозно-эстетическое откровение. О сакральном статусе произведения напоминает изготовленная специально для выставки роскошная новая рама – копия той самой алтарной, в которой картину и привезли в 1754 году из Италии. Старая рама осталась в залах постоянной экспозиции...

Рафаэль Санти. Этот мастер, по словам Николая Гоголя, – «миф высокого искусства». Художник, гений которого счастливо впитал в себя мудрость искусства Леонардо да Винчи и мощь творений Микеланджело. Создав «Сикстинскую мадонну», живописец совершил, казалось бы, невозможное. Он изобразил чудо. Видение. Им самим изобретенную легенду. И подвинул нас уверовать в нее.

Жанна Васильева,
«Российская газета» – «Янтарный мост»

